

К третьей духовной революции

Русская эмиграция значительную часть своего политического заряда тратит на борьбу за очевидность, за сознание, что положение, в каком находится теперешняя Россия, не может и не должно таким остаться. Это бесспорное сознание, загнанное теперь во внутрь надвинувшейся опасностью войны, живет даже в широких партийных массах сталинской диктатуры, откуда множество имевших место прежде оппозиционных «уклонов». Но больше того: сама диалектическая логика Революции работает в пользу этого сознания, ибо Революция, это — конденсированная динамика, это движение прежде всего, — само же понятие движения есть понятие изменения. И всякая революция — «контрреволюционна» по самому существу своего развития, каждая из них с имманентной необходимостью таит в себе свой «термидор», свой «бонапартизм» и пр.

Проблема борьбы — в другом. Водоразделе, размежевывающий борющихся — в иной плоскости. История есть диалектическое единство своих соподчиненных времен: прошлого, настоящего и будущего. И водораздел всех размежеваний проходит по вопросу: во имя прошлого или во имя будущего борются с реальным настоящим. Мы в эмиграции единственная политико-идеологическая концепция последовательно отрицающая большевизм во имя будущего. Что касается даже большинства наших пореволюционных (в действительности, псевдопореволюционных) течений, то и здесь то, что в них есть нового, то по существу от большевизанства, то-есть от «настоящего», а то, что у них не от большевизанства, то не ново. В соответствии с такой прогрессивной установкой борьбы не из прошлого, а из будущего, наша задача не в том, чтоб демобилизовать исторически мобилизованный русский народ, не в

том, чтоб рассеять и подавить грандиозные революционные энергии его, а в том, чтоб переключить их в рабочую историческую силу, сообщить им положительную Цель и пафос. Это претворение и должно явиться преображающим актом Духовной Революции, актом **Возвышения** сознания и психологии разбуженных революционный стихий.

На страницах нашего органа уже отмечалось, что великий переворот современности, следуя естественной своей закономерности **углубления**, проходит как бы три стадии своего развития, постепенно возвышая и расширяя свою тематику: от первой **политической** революции, имевшей своим предметом лишь **новое государство**, через совершающуюся ныне во всем мире **социальную** революцию, имсущую своим предметом нечто более обширное — **новое общество**, к грядущей **Третьей Духовной Революции**, которая в качестве **синтетической**, будет содержанием своим иметь целостный предмет — **новую культуру**, тем самым **новое мирозерцание** — образ **нового человека**. В соответствии с этим, третьей высшей стадией происходящего мирового переворота, как его синтетической стадии, должен соответствовать **целостный** жизненный идеал, в отличие от частного, дробного **политического** идеала первой стадии его и **социального** идеала — второй. И если носителями частных дробных идеалов — политического и социального — первой и второй революций могла быть та или иная новая общественная группа, новый класс, то носителем целостного синтетического идеала новой высшей культуры может быть лишь новый народ или семья народов. Феодализм, капитализм, социализм действительно создавали известные общественные группы — классы, но египетскую, греко-римскую, западно-европейскую культуру мог создать лишь тот или иной народ, категория целостная, а не дробная. Поэтому, применительно к нашей критической катастрофической эпохе, мы и утверждаем, что **не новый класс, а новый народ спасет мир**. Отсюда, в противоположность классовому пролетарскому мессианизму — наш мессианизм русского народа, точнее — российских народов, как культурно-исторического комплекса, являющегося единственно возможным в современной конкретной исторической действительности носителем нового целостного жизненного идеала,

новой высшей культуры, как о том свидетельствуют наиболее значительные представители даже западно-европейского умирающего мира, как, например, Шпенглер, Кайзерлинг и многие другие. Строго говоря, в современном мире возможна только Русская Национальная Революция. На Западе возможна лишь «национальная» реакция, чем и являются в значительной мере движения, имеющие там место под таким именем.

При этом наша социальная ориентация на крестьянство не только не противоречит положению о русском народническом мессианизме, но, наоборот, лишь усугубляет это положение, так как крестьянство в противоположность нашему городу, являющемуся лишь островом, провинцией, отпочкованием умирающей западно-европейской цивилизации, представляет собой наиболее самобытную, целостную и девственную часть России.

В то же время, так как в живой действительности элемент всегда укоренен и определяется целым, всякий частный дробный идеал не может быть обоснован и утверждён вне утверждения целостного жизненного идеала. Так, например, идея свободы в современном либеральном государстве осталась лишь формальной и негативной категорией (свободой от чего либо), благодаря тому, что она не получила своего **положительного раскрытия**, осуществимого лишь на почве целостного мирозерцания. Но подобно либерализму, доктрине первой политической революции, также и марксизм, эта доктрина второй социальной революции современности, является, по существу, лишь негативной и положительно неосуществимой. Отвлеченно утверждая лишь одну область жизни, он не только не укоренен в целостном мирозерцании, но наоборот, ради одной этой области интересов отрицает все другие, при том главные стороны жизни, третируя их в качестве «надстройки». В этом общий порок атомизма современной цивилизации, о котором уже так много писалось и говорилось. И такова коренная причина обреченности современной большевистской стадии Русской Революции. Тем самым, лишь в Третьей Духовной Революции, как высшей синтетической стадии современного мирового переворота, осуществляющей целостный жизненный идеал, найдет свое положительное конструктивное утверждение и политический идеал первой революции и социальный идеал второй.

Негативный характер и смысл марксизма у нас отмечался уже неоднократно. Мы указывали уже, что весь пафос его содержится в отрицании и критике старого мира, а не в утверждении и манифестации нового. Поэтому, он мобилизует не творчество, а разрушение, будит не дух социальной гармонии, а дух ненависти. Отличие, при этом всякого рода мирных марксистов (с.-д. и других) от воинствующих марксистов — большевиков, состоит лишь в том, что первые являются, так сказать, мирными разлагателями, а вторые — разрушителями, существо же, как известно, того и другого процесса одно и то же. Теперь уже известно, что даже там, где эти мирные разлагатели лишь частично побеждали, как это было в Англии и Австрии, они оставляли после себя такое наследство, что жизнь потом далеко откатывалась в сторону реакции. Об ужасающих же опустошениях — духовных и материальных — в России нечего и говорить. Достаточно вспомнить, что житница Европы, превратилась в хронически голодающую страну. — И это при сосредоточенности всего внимания на хозяйстве, при подчиненности, согласно марксистскому экономизму, всех интересов жизни ему одному и, что самое главное, при крайнем небывалом напряжении всех сил народа. — Впечатление от так называемого советского строительства — впечатление какой то грандиозной растраты сил, зрелище какого то, как бы гигантского аппарата, работающего на холостом ходу. Но двойственное это зрелище грандиозных размеров строительства и ничтожных положительных результатов и проистекает из того, что в качестве негативной революции, большевизм высвободил и призвал к жизни гигантские творческие силы великого народа, но не обладавая целостным положительным мирозерцанием, он не способен этим огромным народным энергиям сообщить творческое значение и бытие. Нужна иная направленность сознания, иные установки, иная психология, иной пафос. Марксизм же, имея своим предметом, главным образом, отрицание и преодоление того, что было, совершенно ничтожен, убог и низменен в своих положительных утверждениях, в своей манифестации того, что должно быть. Ведь изобличение старой лжи, чем он по существу лишь и является, не есть еще тем самым открытие новой Истины. Последнее неизмеримо труднее первого, поскольку

ку вообще критиковать легче, чем творить. Больше того, весь сосредоточенный в отрицании, он склонен отрицать всякое вообще положительное бытие. И русское название «нигилизм» — для такого мировоззрения есть его наилучшее наименование, ибо здесь есть своего рода необходимая логика небытия. Отрицая старые ценности и не зная иных более высоких, мы склонны отрицать ценности вообще, отрицая старую мораль, старые представления о высшем достоинстве человека и не зная иных более высоких представлений, более высокой морали, мы имеем тенденцию отрицать их вообще, низводя человека на уровень полуживотного существа, рефлекса хозяйственных отношений. И, действительно, то, что в своих утверждениях признает марксизм, не превышает уровень самых низких и низменных запросов и интересов, самых примитивных стремлений и представлений. «Человек есть то, что он ест», — к этой Фейербаховской формуле можно было бы свести все его представления о существе человека. Отсюда, его ультра-мещанство, возведенное в принцип сущего и в идеал должного, низведение всей высшей духовной жизни человека, в качестве «надстройки» к хозяйственным интересам и побуждениям, в чем ведь и заключается принципиальный дух мещанства. Недаром вся советская республика производит впечатление какого то гигантского хозяйственного предприятия, где человек только хозяин — производитель и потребитель, подчиняющий все прочее этим исключительным интересам. Абстракция — homo aesonomicus'a здесь как бы утверждается в качестве конкретного реального существа. Во все иные нормальные эпохи хозяйство было средством, состоящим на службе более высоких целей. Уродство капитализма, его, так называемый, экономизм в том и состоит, что он, наоборот, все подчиняет хозяйству, как цели. Марксизм же, это патологическое смещение иерархии ценностей возводит в универсальный закон бытия. Таким образом, патологию капиталистического общества он превращает в физиологию всякого общества, болезнь — в закон нормального существования Известный советский «искусствовед» Ф. Шмит особенности мрачных и темных картин Тинторетто «объяснял» согласно классово-материалистическому «методу» марксизма, тем, что Венецианское государство в это время ли-

шилось... соляной монополии. (См. его «Искусство»). Если бы, справедливо замечает по этому поводу один русский публицист, не был указан источник этого «объяснения», можно было бы принять его за один из т. н. клинических документов из психиатрической лечебницы. Но, к сожалению, это пишет не обитатель известного закрытого дома, а один из правящих над несчастным русским народом. И суть тут не только в идиотизме и дикости этого «объяснения», суть в нравственной природе его, в том, к чему оно все сводит, как истолковывает. Каким должен представляться мир и человек в свете этого гнусного, лавочнического «миросозерцания!». И какой «новый мир», «нового человека» можно создать с такими представлениями о них. ...«Экономический материализм, от которого задыхаясь умирает душа», говорит, между прочим, принимающий Русскую Революцию (но не марксизм) Ромен Роллан. (См. его «Ганди»). Но далеко не он один. В этой окончательно восторжествовавшей под флагом марксизма атмосфере наглой буржуазности и духовного хамства, погибли даже столь близкие Революции души, как Есенин, Маяковский и тысячи других им подобных, оставшихся безвестными. Если современный всемирно-исторический кризис есть в последней своей основе духовный кризис, то в качестве такового он не только не находит своего преодоления в пролетарской социально-материалистической революции, но, наоборот, достигает в ней своего предельного завершения, ибо его миросозерцание, марксизм, это — ничто иное, как возведенная в степень идеологии буржуазность, как мещанство, утвержденное в качестве миросозерцания. Пролетарская революция, как социальная, представляет собой отрицание лишь социально-политического тела буржуазной цивилизации, но в этом отрицании она в то же время возводит в абсолют ее буржуазную душу. **Поэтому, величайшая анти-буржуазная революция еще впереди.** Она должна явиться отрицанием не только капиталистической социально-политической формы современной цивилизации, но и ее буржуазной сущности, то-есть быть не только социальной, но и Духовной Революцией. В марксизме же с его всесторонним интегральным материализмом, нашла свое логическое завершение вся та современная материалистическая духовно-мещанская тенденция, ко-

торая влечет к полному угашению высшего творческого начала в человеке, к расчеловечению его. В истории не было более реакционного, в худшем смысле слова, мирозерцания, чем это современное буржуазно-марксистское мирозерцание материализма, ибо угашая в человеке высшее духовное начало, он пытается низвести его на уровень двухмерного плоскостного существа, лишённого стремления и не знающего своего высшего вертикального измерения. Наоборот, оно враждебно этому измерению глубины и высоты. Дух его в том, чтоб ослабить, дисквалифицировать и угасить все высокое, значительное и свободное, что отличает и чем возвышается человек. Вся его диалектика это, по одному меткому выражению, «спекуляция на понижение» (проф. Вышеславцев). В соответствии со всем этим для него нет подвига, жертвенности, героизма, величия, а только скрытый или открытый, сознательный или бессознательный хозяйственный интерес, — побуждения и соображения шкурничества. Это низменное скотское мировоззрение, не возвышающее человека, а оскотинивающее его, усвоило от буржуазного сознания самое худшее, что в нем было — отрицание в человеке всего того, что и составляет его высшее достоинство. Только на почве такого мирозерцательного расчеловечения человека возможна была та человеческая мясорубка, тот садизм массовых убийств, которые обратились последователями этого учения в универсальное средство борьбы со своими противниками. Точно также тот факт, что таким пыльным цветом на всех территориях современной России расцвело хамство и хулиганство, мутная и темная стихия, не возвышаемая никаким высшим жизненным императивом, можно объяснить только торжеством этой отрицающей всякое высшее начало в человеке доктрины. В действительности, сам марксизм — материализм — и есть доктрина духовного хамства и хулиганства. И в качестве такового, он явился злым роком Русской Революции, деморализующим и снижающим ее творческую стию, idiotизирующим и оскопляющим ее сознание. Отсюда пошлость соединенная с жестокостью в размерах небывалых в истории, отсутствие в Русской Революции печати подлинного исторического величия. События ее грандиозны, но не величественны, что было даже во Французской Революции и

что несовместимо с низменным духом ее материалистического мирозерцания, враждебного всякому проявлению величия.

Но марксизм-материализм есть самое реакционное мирозерцание не только в духовном смысле, ибо отрицает и угашает в человеке самое начало всякое света — его творческое духовное существо, но и в более прямом историческом смысле. В наше время нельзя уже быть культурным человеком и быть в то же время марксистом, если не считать некоторых экономических элементов этого учения, как нельзя быть в наше время, скажем, стоиком или пифагорейцем или придерживаться начал эвклидовой геометрии, ибо большинство понятий, с которыми он оперирует, есть уже просто архаизм, давно превзойденная ступень сознания. Достаточно указать на его краеугольное понятие — материи, которое для современной физики является уже ничем иным, как ее детским возрастом.

Таков предмет отрицательной стороны Духовной Революции в наших русских условиях, предмет ее преодоления. Но то положительное целостное мирозерцание, во имя которого это преодоление должно осуществиться, не может быть реставрированным или подновленным старым. Мы установили с самого начала, что преодоление теперешней большевистской стадии революции возможно лишь из будущего, а не из прошлого, на путях прогрессивной динамики, а не деградации исторического процесса — уже в силу того, что история необратима. Именно, на путях Духовной Революции, а не на путях духовной реакции. Едва ли не все уже поняли, что нельзя бороться с большевизмом, противопоставляя ему феодальный или капиталистический строй. Но этой истины еще не поняли в отношении материализма, этого мирозерцания большевизма, с которым по тем же основаниям нельзя бороться, противопоставляя ему исторически осужденный уже, архаичный и мертвый идеализм, который лишь гальванизирует его. А до сих пор именно так с ним боролись. Но в такой борьбе материализм — буржуазный и марксистский, — в качестве исторически обоснованного отрицания изжитых и примитивных форм сознания, был не только неуязвим, но и прав. В этом был смысл не только русской и французской революции, но и всей эпохи Нового Времени, которая как будто и не существовала для современ-

ных представителей духовной реакции. Борьба теперь во имя того, что было до этой великой и грандиозной эпохи и что явилось предметом ее отрицания, значит пытаться возвратить исторический процесс к его исходной точке, что частично возможно и даже неизбежно, поскольку всякая историческая акция таит в себе возможность некоторой частичной реакции, но эту возможность не следует рассматривать, как естественный путь дальнейшего всемирно-исторического развития.

Но с другой стороны и материализм, в частности марксизм, выполнив свою негативную миссию преодоления изжитых форм духовной жизни и став тем самым, исторически больше ненужным, превратился в пережиток, подлежащий преодолению и сдаче в архив. И, действительно, теперь всюду уже он является стороной не наступающей, а обороняющейся, что в идейном мире есть показатель исторической обреченности и ненужности. Наша борьба, поэтому, есть **борьба на два фронта**: мы боремся одинаково и против современного материалистического (буржуазно-марксистского) миросозерцания, и против возрождаемого средневекового теологического миросозерцания, хотя, конечно, главный упор этой нашей борьбы направлен против первого, как господствующего и более актуального. Сама эта антитеза теологического и материалистического миросозерцания теперь также устарела и является превзойденной, как, например, антитезы монархии и республики, капитализма и социализма. Наше решение, поэтому, и здесь есть **Третье Решение**, решение **Синтеза**, вмещающего истину того и другого и преодолевающего их ложь. В этом мы единственные возвышающиеся над этой устаревшей антитезой и подымающиеся в новый высший план исторического развития. Этим же определяется и частный вопрос об отношении к христианству. Наше отношение к нему **не отрицательное и не апологическое, а критическое** с одной стороны и **синтетическое** — с другой. Как **составной элемент**, оно в том, что в нем есть истинного, войдет в творимый нами более высокий **Синтез**, обуславливаемый уровнем и смыслом достигнутого всемирно-исторического момента. Такое отношение к христианству определяется тем, что оно (в своей идеальной сущности, а не в историческом воплощении) есть не столько ложь, сколько уже превзойденная и

недостаточная истина, как скажем, элементарная арифметика в отношении к высшей математике, при том истина убогая, примитивно-грубая и простая перед лицом величественной и грандиозной Истины, встающей из kloкочущих недр современности. Созданное 20 веков тому назад, на заре истории человеческого развития, оно далеко отстало от уровня последнего. Оттого то девять десятых жизни даже у его искренних последователей остается за пределами его.

Но тем более убог и беспомощен материализм перед величественным замыслом новой нарождающейся эры человеческого существования. Ничтожный и низменный, он печать своего ничтожества и низменности наложил и на облик всей современной эпохи, несмотря на все величие и грандиозность ее онтологического существа, на все безграничные возможности в ней заключенные. Она разомкнула все исторические горизонты, сняла все реальные ограничения и точно отменила законы истории тем, что показала их преодолимость. Современный всемирно-исторический кризис это кризис масштабов, требующий иных критериев измерений. Это кризис меры человечества, приобщающегося к безмерности. Мир точно вступает в иные планетарные измерения бытия, подготовленные всем предыдущим развитием и особенно ролью техники. Можно было бы сказать, что до сих пор не было Истории в собственном смысле, было **развитие**. Человек был лишь объектом истории и только теперь он становится ее субъектом. Это значит, что впервые встала проблема организации мира, сознательного делания истории. Впервые всеобщая цель преобразования мира поставлена, как сознательная проблема человеческого бытия. До сих пор человек был лишь материалом истории, а не ее ваятелем, предметом творчества, а не Творцом. Потому раб судьбы, слепого процесса стихийного развития, он ощущал себя подавленным властью необходимости. И лишь теперь он начинает приобщаться к мощи Свободы, к власти над своей судьбой, к господству над необходимостью. Этой раздавленностью под властью необходимости питалось то постоянное стремление человека **уйти** из Истории, уйти в «царство не от мира сего». Таков был вековечный идеал господствовавшего во всю эту пред-историческую эру теологического мирозозерцания, обле-

кавшегося в самые разнообразные формы «неотмирности», ухода, бегства от мира. В новой нарождающейся теперь эре существования человек не только не стремится прочь из Истории, но наоборот: переживаемый всемирно-исторический момент характеризуется вхождением в Историю всех человеческих масс, всех основных пластов человечества. На исторические подмостки, на сцену, где разыгрывается эта священная драма Истории и куда раньше имели доступ лишь герои и цари, выходят целые народы, классы и слои населения, приобщаясь к участию в творчестве общей судьбы, к служению и осуществлению Общего Дела. В этом самое значительное явление современности. Его часто отмечают, из него исходят в построениях своих программ и тактических установок, но не понимают его высшего всемирно-исторического смысла. Этот грандиозный факт означает происходящую в мире историческую мобилизацию. В некоторой мере это проявилось в Русской Революции. И цель этой мобилизации — организация мира, творческое преобразование человеческого бытия. Вот эта цель преобразования мира человечеством вдохновленным новым высшим сознанием и должна явиться предметом грядущей Третьей Духовной Революции, идеалом нового высшего мирозерцания.

Бонапартизм Сталина

В предыдущем номере у нас было помещено письмо из России («Сталинские закулисы»), в котором приводились некоторые данные и предположения о возможных легальных преобразованиях советского строя в духе своеобразного сталинского «бонапартизма». Последовавшие потом изменения в своем направлении почти целиком оправдали содержание этого письма. Неизбежность завершения всякой революции — как малой, так и великой — тем, что во Франции получило наименование «бонапартизма», неоднократно доказывалась в литературе и политической, и исторической. Как известно, такого